

— Люблю смотреть, как идет дождь. Не летний — тот ненадолго, а настоящий, осенний, затяжной. У него даже звук другой. Глубокий, основательный, и воздух, знаете ли, сырой такой, вкусный. Хорошо в такой дождь сидеть дома сытым, в тепле и смотреть в окно. Мысли хорошие в голову лезут, на душе спокойно. Помните фильм «Дождь смывает все следы»? Вот и мне кажется, что дождь душу лелеет, баюкает. Думаете, наверно, о чем это я? Да я и сам, признаться, не знаю. Просто увидел вас, дождь этот и как-то вспомнилось все.

Вы позволите? Спасибо. Много времени я у вас не займу. Ой, нет, это не в обиду вам, упаси Боже, просто много говорить — только бесов дразнить, а главное упустишь.

Вот вы, видно, жизнь какую-то прожили, знаете, что к чему. Так скажите мне, пожалуйста, почему человек ни родному, ни самому близкому другу не может открыться, а случайному попутчику, вроде вас, открывается, прямо выворачивается весь. Может, потому, что вы,— не обижайтесь только,— как тень на песке, случились в моей жизни, и нет вас. А родной человек или друг — это ведь надолго, может быть, навсегда. Не знаю, только хорошо это или плохо. Да вы сами послушайте.

Было у меня два друга. Имен я их называть не буду, зачем они вам. Пусть будут Брюнет и Шатен. Долго и давно мы дружили, хоть и

разные очень были. Но как там сказано? Вода и камень, лед и пламень. Вот и мы так же. Я по характеру своему взрывной, но отходчивый. Так часто бывает. Шатен — тот ветер. Ветер на голове, ветер — в голове. Вечно нечесаный, помятый, небритый. Мы с Брюнетом его и так, и сяк ругали, даже одежду как-то выгладили, чтобы как человек был, галстуки подобрали. Куда там! На галстуки посмотрел, обрадовался и спрятал куда-то, а может и подарил кому-то. Два дня наглаженный походил, а потом опять в джинсы влез, рубашку какую-то линялую нацепил и смеется. «Мне так удобно,— говорит.— Мужчина должен быть свиреп и неряшлив». Только вот духи хорошие очень любил. Прямо-таки купался в них.

Памяти у него никакой не было. Мог забыть про наши дни рождения, да и свой собственный вряд ли помнил. Мне, во всяком случае, так казалось. Исчезал он внезапно, по неделям пропадал, потом так же внезапно появлялся. Вваливался к нам худой, обросший, голодный. Мама моя кормила его, ахала и называла вечным кочевником. Уверяла, что его срочно женить надо, хотя при таком цыганском характере за него вряд ли кто пойдет. Родители его переживали, конечно, ворчали. А потом махнули рукой. Поди, обуздай ветер, пока он сам не уляжется.

Брюнет,— тот совсем другой. Аккуратный, чистюля, весь такой изящный, высокий. И ходил так тихо, будто боялся потревожить кого-то. Сейчас, конечно, постарел уже, оплыл, шаги тяжелыми стали. Мама моя его обожала, в пример ставила. Да и было за что. Никогда не было, чтобы он пришел без подарка: конфеты или цветы. А по праздникам духи или ее книги любимые. И все так красиво уложено было всегда — в корзинках, коробочках разноцветных. А дни рождения! Боже мой! Помнил дни рождения даже моих племянников. Всегда подарочки, игрушки приносил. А как с мамой разговаривал! Со старыми людьми разговаривать трудно. Для этого терпение нужно. Так вот Брюнета Бог этим терпением одарил. Понимаете, что это такое? Ведь это не просто хлопать глазами и кивать, это слушать и внимать нужно, чтобы человеку приятно было. Старому человеку внимание нужно как кусок хлеба, а может больше него. Не каждый это внимание умеет дать. Я, вот, не могу, например. Стыдно и больно, а не могу, хоть убей. Не мое. А Брюнет умел. Нет, не беспокойтесь. Это я так, задумался. Да, вот.

Знаете, я даже слово себе дал, если когда-нибудь у меня будут сыновья, назову их в честь друзей. В двадцать лет хорошо мечтается.

Брюнет на химика учился. Шатен, черт его знает, то на геолога учился, потом бросил, почему-то в агрономы подался. Одним словом, кочевник, то на земле, то в земле. А я хотел быть скульптором. Не получилось, правда. Это долгая история. Стал чертежником, в конце концов. А так ни одной выставки не пропуская, статуями любовался и,

потихоньку, мечту свою лелеял. Хотел сделать композицию из дерева. Нас троих изобразить. Знал уже, из какого дерева. Три одинаковые статуэтки хотел вырезать, чтобы у каждого из нас была бы такая. Представлялось мне, что Брюнет будет в центре, нас за плечи обнял, а мы по краям. Даже помятые брюки Шатена знал, как передать. Не поверите, а я ведь бредил этой композицией, видел ее наяву, какой она будет.

Ну, так вот. Пока я так мечтал, подобралась ко мне моя болезнь. Не смертельная, слава Богу, но тогда, действительно думали, что конец. Мама черная ходила, седая, сухая как травинка. Лежал я в больнице и дни считал. Из легких у меня какую-то воду откачивали противную, и противно все это вспоминать теперь. Я не свинья, и врачам, что спасли меня, возились со мной, как с растерзанным птенцом,— я благодарен по гроб жизни. Но и сейчас мимо больницы проходить не могу. Путь свой стараюсь изменить. Так уж человек видно устроен, не хочет о тяжелом вспоминать. Благодарность благодарностью, а сердце радостью живет, надеждой.

В один из дней мне совсем худо стало. Знаете, я жизнь хотел с красотой связать, не получилось, а искусство и литературу люблю. Вы скажете, преувеличивает, как эмоциональным натурам положено. Думайте что хотите. Но в тот день я явно почувствовал вкус смерти на губах. Хочу их облизать, а раскрыть не могу. Лицо как в панцире. Потом мама мне сказала, что все время корка у меня на губах была. Толстая, серая. Исхудал я страшно. На щеках борода отросла. Себя я, к счастью, тогда не видел, но по описаниям понял, что был похож на умирающего Белинского. Портрет его был в школьном учебнике.

Мама и Брюнет со мной почти все время были. Ну, мама-то понятно, а Брюнет каждый день сидел и, понимаете, тихо так, настойчиво говорил: «Ты должен поправиться. Ты должен держаться. Ты не имеешь права уходить. У тебя мама. У тебя вся жизнь впереди». И все в таком же духе. Честно сказать, надоедало, я радовался даже, когда врачи приходили и его выгоняли.

Шатен есть шатен. Что с него взять. Раза два появился, какие-то соки принес и потом исчез на неделю. Мама моя на него тогда сильно обиделась.

Ну, значит, в тот день, когда мне совсем худо стало, то... Вы верите в мистику? Что там что-то есть? А я, ей-Богу, не знаю. На пороге, как говорится, стоял, а все равно не знаю. Но страшно не было. Может по молодости, может, не соображал ничего тогда. А сейчас думаю... Кажется, Бродский сказал:

— Ты боишься смерти? — Нет, это та же тьма,
Но, привыкнув к ней, не различишь в ней стула.

И вот на этой границе между двумя мирами вдруг всплывает передо мной небритое лицо Шатена, и он шепчет:

— А я тебе тако-ой свитер купил. Краси-вы-й-й!

И щерится во весь рот.

В первую минуту... Нет, в первую минуту я ничего не понял... Во вторую хотел его послать, такое меня зло разобрало. Какой свитер, зачем? Высунул ногу из-под одеяла, хотел его пнуть. А он стоит, рыжий черт, улыбается, и свитер держит в руках. Ярко-зеленый в желтую полоску. В общем, не свитер, а мечта идиота. Промычал я что было силы, чтобы он убирался. Медсестра выставила его, а у меня в ушах его шепот свистящий остался: «Кра-си-вый!!» И вот. Нет, это не понять, это чувствовать надо. Он свитер этот дурацкий купил, не сказал, что купит, что купим, а купил и принес. Значит, ни минуты мысли не допускал, что я не выкарабкаюсь, из живых меня не исключал никогда. И никакие слова, вроде «ты должен», «ты обязан», «ты не имеешь права» не говорил. Просто свитер купил и принес. Получается не то что верил, а не сомневался, что я буду его надевать.

Только не смейтесь надо мной. Я чуть было не заплакал. Мать, Брюнет, сколько они слов мне хороших сказали, сколько за руку держали, а мне так легко от них не становилось. А после свитера этого, поверите, так тепло на душе стало, как только в ясное утро бывает. И есть мне сразу захотелось. Доктора потом говорили — кризис миновал.

В общем, пошел я на поправку с того дня. А когда вышел, наконец, из больницы, дома праздник закатили. Мама расстаралась, Брюнет пришел с ананасами, тосты поднимал за мое здоровье. Шатен пришел с какой-то пальмой в ведре. Сказал, что какой-то очень редкий вид из Африки, пожелал мне здоровья, слопал почти все соленья и ушел. Про свитер, конечно, забыл. Как и про то, что скоро у меня день рождения. Забыл поздравить подлец!

Да, вот так и было. А композицию, кстати, я сделал. Мама потом удивлялась, чего я Шатена в середине поставил. Брюнет высокий. Лучше бы смотрелся. А у меня как-то сама рука легла.

Мы и сейчас дружим. Правда, редко видимся. У Брюнета своя семья, но он по-прежнему не забывает ни одного из наших дней рождений. Шатен все такой же. Жена его не выдержала кочевой жизни,— ушла, а дочка его любит. Вылитый папаша. У меня тоже семья, дочка. С сыновьями что-то не получилось. А так все хорошо. Жизнь идет.

Чувствую,— думаете, зачем я все это вам рассказываю. Да, просто погода такая. Вспоминается все. И жизнь, и борьба за эту жизнь в больнице, и шепот радостный: «Я тебе свитер купил! Кра- си- вый!!!» Поверьте, жить хочется.

Утомил я вас. А дождь все льет. Опять то же стихотворение вспомнилось:

*Город Лондон прекрасен, особенно в дождь. Ни жесть
для него не преграда, ни кепка или корона.
Лишь у тех, кто зонты производит, есть
в этом климате шансы захвата трона.*

Правда, мы не в Лондоне. А хотелось бы побывать. А, спасибо.
Не беспокойтесь. Дойду сам. Люблю, знаете ли, прогуляться в дождь
перед сном...